

О. Б. ТКАЧЕНКО (Киев)

К ИССЛЕДОВАНИЮ ФИННО-УГОРСКОГО СУБСТРАТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Финно-угорский субстрат в русском языке относится к наиболее сложным объектам исследования как в финно-угроведении, так и в славистике. Поэтому до последнего времени специалисты обеих областей часто избегали касаться связанных с ним вопросов даже там, где это было необходимо. Тем не менее существует ряд фактов русского языка, не понятных без обращения к финно-угорскому субстрату. К ним относятся явления, которые при материальном или типологическом сходстве с финно-угорскими и при отсутствии убедительных аналогов в других славянских и смежных с русским нефинно-угорских языках в то же время не могут принадлежать ни одному из существующих финно-угорских языков. Если упомянутые явления будут обнаружены и доказаны, то мы имеем факты финно-угорского субстрата в русском языке. Бесспорно, что в обнаружении и истолковании этих фактов заинтересованы как финно-угроведы, так и слависты.

Недостаточная изученность большинства финно-угорских языков до Октябрьской революции препятствовала исследованию финно-угорского субстрата в русском языке. Большие успехи советского финно-угроведения в целом, особенно же в изучении мордовских, марийского, пермских и обско-угорских языков, а также достижения в области русистики, в частности истории и диалектологии русского языка, способствовали заметному оживлению исследования финно-угорского субстрата русского языка. Об этом свидетельствует ряд работ, появившихся за последние 10—15 лет.¹ Основу для дальнейшей работы отчасти создают и близкие по теме археологические исследования.² Однако сделаны лишь первые шаги как в обнаружении несомненных субстратных эле-

¹ См., например: В. Т. Ванюшечкин, К вопросу о финно-угорских элементах в лексике мещерских говоров. — СФУ IX 1973, стр. 179—184; В. И. Лыткин, Еще к вопросу о происхождении русского аканья. — ВЯ 1965, № 4, стр. 44—52; А. К. Матвеев, Субстратная топонимика русского Севера. — ВЯ 1964, № 2, стр. 64—83; его же, Этимологизирование субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем. — ВЯ 1976, № 3, стр. 58—73; Б. А. Серебренников, О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике русского Севера. — СФУ III 1967, стр. 199—205; его же, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга*, *-юг*. — СФУ II 1966, стр. 59—66; G. Stipa, Zur Frage des mordwinischen Substrats im Südgroßbrussischen. — Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Erkki Itokonen, Helsinki 1973 (MSFOu 150), стр. 380—389; W. Veenker, Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache, Bloomington—The Hague 1967 (UAS 82).

² См.: А. П. Смирнов, Очерк древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, Москва 1952; Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья, Москва 1961.

ментов и реконструкции их исходных финно-угорских форм, так и в разработке необходимых теоретических предпосылок. В связи с этим представляется целесообразным затронуть некоторые вопросы, связанные с данной проблематикой.

1. Языковая неоднородность финно-угорского субстрата в русском языке и значение его исследования для финно-угроведения

Выражение «финно-угорский субстрат русского языка» является в сущности сокращением более точного понятия: финно-угорские субстраты диалектов русского языка. Последнее обусловлено принадлежностью финно-угорских субстратных включений русского языка не какому-то одному финно-угорскому языку, а целому ряду языков и диалектов. Эти субстраты относятся к нескольким видам, основные из которых — 1) частичные субстраты и 2) полные субстраты. Первому виду принадлежат явления, связанные с частичным переходом на русский язык представителей определенной этнолингвистической общности, при котором другая ее часть сохраняет свой язык (водский, ижорский, вепский), как правило, хорошо зафиксированный. Ко второму относятся случаи давно исчезнувших языковых образований (языков или диалектов), которыми пользовались этнически определенные общности (меря, мурома), этнически не расчлененные группы (заволочская чудь), этнически не определенное финно-угорское население (например, по-видимому, прибалтийско-финские насельники на территории между землями древних эстов и меря, ср. *Мста* — фин. *musta* 'черный', *Тверь* (древнерус. *Тъхвърь*) — фин. *Tihverä*).

Однако степень полноты второго вида субстратов далеко не одинакова во всех случаях, поэтому разница между ними и частичными субстратами отнюдь не абсолютна, а зависит от степени языкового своеобразия данного полного субстрата. Здесь можно выделить случаи 1) субстратного диалекта; 2) субстратного языка как члена существующей финно-угорской языковой группы; 3) субстратного языка (или языков), образующего особую языковую группу.

Последний случай в первую очередь заслуживает отнесения к полным субстратам в связи с наиболее сложной реконструкцией исходного (финно-угорского) состояния. Первый не может быть отнесен безоговорочно к частичным субстратам главным образом в силу большей хронологической глубины. При всей неполноте имеющихся сведений уже теперь можно полагать, что большинство полных субстратов русского языка связано с диалектами или — реже — возможно, с языками двух групп — прибалтийско-финской (заволочская чудь³, языковая территория между древнеэстонскими и мерянскими землями) и мордовской (мурома⁴, мещера⁵).

Исключение, видимо, составляет только мерянский язык. Попытки видеть в нем язык, близкий к марийскому⁶, вряд ли обоснованы. Более оправданно рассматривать мерянский язык в качестве связующего

³ А. К. Матвеев, Субстратная топонимика русского Севера. — ВЯ 1964, № 2, стр. 83.

⁴ А. И. Попов, Названия народов СССР. Введение в этнонимистику, Ленинград 1973, стр. 101—102; Е. И. Горюнова, указ. раб., стр. 155, 159, 161.

⁵ В. Т. Ванюшечкин. К вопросу о финно-угорских элементах в лексике мещерских говоров. — СФУ IX 1973, стр. 179—184.

⁶ M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas III. Merja und Tscheremissen, Berlin 1935, стр. 507—594.

звена между прибалтийско-финскими и мордовскими⁷, а также, по-видимому, марийским языками. Наличие в мерянском языке отдельных лексических элементов, общих с угорскими, возможно, говорит о каких-то древних меряно-угорских связях.⁸ Предположению о марийском характере мерянского языка противоречат данные той субстратной русской лексики, которую можно связать с мерянским языком. Здесь наряду со словами, сходными с марийскими (преимущественно с параллелями в других родственных языках), типа *Юкша* (мар. *jūksö* 'лебедь', фин. *joutsen*, диал. *joeksen*, манс. *jösch(woi)* то же), *Шерна* (*Шорна*) (мар. *шертне* 'верба', фин. *saarni* 'ясень'), *Ингирь* (мар. *энгер* 'речка'), выступают также важные слова, явно связанные с прибалтийско-финскими, рус. (костромск.) *лэйма* 'корова' (фин. *lehmä* 'корова', эст. *lehm*, вепс. *lehm* то же — мордЭ *лишме* 'лошадь', мар. *ушкал* 'корова'), рус. (костромск., галич.) *сика* 'свинья' (фин. *sika* 'свинья', эст., вепс. *sig* то же — мар. *сöсна* 'свинья', морд. *туво* то же). Часть же слов, имея параллели в ряде финно-угорских языков, значительно от них отличается по форме: *Яхрен*, *Яхрень* (мер. **jaxr(e)* 'озеро', *jaxren(-ñ)* 'озера; озерный' — морд. *эрке* 'озеро', *эркень* 'озера; озерный', фин. *järvi*, эст. *järv*, саам. *javre*, мар. *ep* то же), рус. (костромск.) *ýрма* 'белка' (фин. *orava* 'белка', эст. *orav*, вепс. *orau*, мар., морд., коми *ур* то же). Все это подтверждает мнение А. И. Попова: «... меря, несмотря на несомненные общности в словаре с другими финно-уграми, существующими ныне, в то же время значительно отличалась в языковом отношении...».⁹ Есть основание считать, что мерянский язык среди финно-угорских мог составлять особую языковую группу. Расположение ее в центре древней финно-угорской языковой территории, между прибалтийско-финскими, мордовскими, марийским, возможно, также угорскими и пермскими языками вместе с тем обстоятельством, что это, видимо, единственная финно-угорская языковая группа, представленная только в виде субстрата, делает особенно важной реконструкцию исходной финно-угорской формы ее языковых реликтов.

Возможное частичное восстановление лингвистических фактов исчезнувших финно-угорских языков и диалектов, особенно мерянского языка, могло бы сыграть важную роль в выяснении древнейших взаимоотношений между финно-угорскими языками. В частности, это помогло бы в известной степени восстановить утраченные связующие звенья между прибалтийско-финскими, мордовскими и марийским языками. Более же древние явления, относящиеся к диалектам прибалтийско-финского и мордовского типа и заключенные в их реликтах, могли бы представлять ценность для истории соответствующих языковых групп. В связи с этим финно-угорское языкознание максимально заинтересовано в возможно полном выяснении исходных финно-угорских фактов, лежащих в основе субстратных элементов русского языка.

⁷ Ср. Р. Ravila, Polemik. Merja und tscheremissen. — FUFAnz. XXVI 1938, стр. 25—26; А. И. Попов, указ. раб., стр. 101, 106; Б. А. Серебрянников (Обсуждение докладов и сообщений. Ответы на вопросы). — Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23—25 декабря 1965 года), Йошкар-Ола 1967, стр. 288—289.

⁸ Ср. компонент *-бол(-)* в топонимах бывших мерянских земель типа *Пушбола*, *Яхробол* и под., сопоставляемый с венг. *jalu* 'деревня', манс. *павыл* то же, см. Б. А. Серебрянников, Происхождение марийского народа по данным языка. — Происхождение марийского народа, стр. 179.

⁹ А. И. Попов, указ. раб., стр. 101.

2. Значение исследования финно-угорского субстрата в русском языке для русского и славянского языкознания

Выяснение названной проблемы предполагает знание специфических явлений русского языка, отличающих его от других славянских, которые можно рассматривать как результат воздействия субстратных языков. Работа, проделанная до сих пор, слишком незначительна, чтобы судить об объеме и роли финно-угорского субстратного вклада в русский язык. Даже факты, увязываемые с финно-угорским субстратом, исследованы, как правило, не настолько глубоко, чтобы считаться бесспорными. Следовательно, приводимые ниже примеры¹⁰ можно расценивать как предположения. Однако даже объем выдвигаемой в них проблематики свидетельствует до некоторой степени о возможной роли финно-угорского субстрата в формировании особенностей русского языка, а это уже частичный ответ на вопрос о значении его исследования.

Не касаясь особенностей, связываемых с финно-угорским субстратом в русских диалектах, упомянем здесь только явления, свойственные русскому литературному или общенародному языку.

1. В фонетике. Аканье и редукция как возможный результат субстратного влияния со стороны древнемордовских диалектов мокшанского типа, для которых были характерны редуцированные и невозможно положение *o* вне ударения.¹¹

2. В словоизменении. Особенности склонения существительных мужского рода II склонения: наличие в родительном падеже, наряду с формой на *-a*, формы на *-y(-ю)* у существительных преимущественно вещественного значения для обозначения части целого: *достать (купить) луку, уксусу, чаю* — *цена лука, уксуса, чая*.¹² Как типологическая параллель этого в прибалтийско-финских языках существует наряду с генитивом партитив, выражающий часть или неопределенное количество целого: эст. *saama (ostma) sibulat, äädikat, teed* 'достать (купить) луку, уксусу, чаю' — *sibula, äädika, tee (hind)* '(цена) лука, уксуса, чая'. Близкое явление известно и мордовским языкам, где в функции партитива выступает связанный с ним по происхождению аблатив: мордЭ *чайде* (аблатив) *симемс* 'выпить чаю' — *чаень* (генитив) *тансть* 'вкус чая'. Характерно, что ни в одном из остальных славянских языков функции форм родительного падежа на *-a(-я)* и *-y(-ю)* не распределены таким образом, как в русском.

3. В словообразовании. Большая продуктивность сложных слов копулятивного типа, особенно в разговорном и фольклорном языке (менее характерная для других восточнославянских языков черта)¹³: *путь-дорога, руки-ноги, есть-пить, кинуть-бросить, жив-здоров, нежданно-негаданно, такой-сякой*, — очень типичных для финно-угорских языков, например: фин. *isä-äiti* 'отец-мать', эст. *sööta-jooma* 'есть-пить', саам. *aka kalša* 'старуха-старик', мордЭ *кепе-штано* 'босой-голый', мар. *таче-эрла* 'сегодня-завтра', комиЗ *городны-сьывны* 'крикнуть-спеть', удм.

¹⁰ При рассмотрении вопросов словоизменения и синтаксиса автор опирается частично на книгу В. Феенкера (W. Veerkker, указ. раб., стр. 86, 117—118).

¹¹ См.: В. И. Лыткин, Еще к вопросу о происхождении русского аканья. — ВЯ 1965, № 4, стр. 44—52; Б. А. Серебренников, Об относительной самостоятельности развития системы языка, Москва 1968, стр. 12—13; G. Stipa, Zum Einfluß des Mordwinischen auf das russische Akanje. — CIFU III, стр. 515—521.

¹² См.: Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология, Москва 1953, стр. 143—145.

¹³ Из южно- и западнославянских языков она в какой-то мере свойственна только болгарскому, македонскому и словенскому языкам, испытавшим сильное влияние тюркских или финно-угорских языков.

йӱл-вӱй 'молоко-масло', манс. *уй-хул* 'зверь-рыба', хант. *лисӧр-кавсӧр* '(мы) наелись-насытились', венг. *ilyen-olyan* 'такой-сякой'.

4. В синтаксисе. Существование особой притяжательной конструкции *У меня есть...*¹⁴, соответствия которой менее характерны для других восточнославянских языков и совершенно отсутствуют в южно-западнославянских, где, как и в западноевропейских языках, известен лишь оборот типа поль. *Mam...* '(Я) имею...' (ср. нем. *Ich habe...*, англ. *I have...*, фр. *J'ai...* то же). В финно-угорских языках (за исключением обско-угорских) также выступает конструкция с глаголом *есть* при прямом падеже обладаемого и косвенном обладателя: адессиве (в большинстве прибалтийско-финских), генитиве (в мордовских, марийском и пермских), дативе (в венгерском и ливском) или инессиве-элативе (в саамском языке): фин. *Minulla on...* 'У меня есть...', вепс. *Minä (miñäi) om...*, мордЭ *Монь ули...* то же; венг. *Nekem van...* 'Мне есть...'; саам. *Monešt li...* 'Во мне (из меня) есть...'

5. Во фразеологии. Ряд семантически близких формул речи в разговорном языке и языке фольклора, как правило, не известных другим славянским языкам: а) рус. *жил-был, житье-бытье* — коми *олис-вылис* 'жил-был', эст. *elu-olu* 'житье-бытье'¹⁵; б) рус. *Стали они жить-поживать* — кар. *alettih eliä elmetellä* '(Они) начали жить-поживать', венг. *Élt egyszer éldegélt egy öreganya* 'Жила когда-то поживала одна старуха' (в финно-угорских языках, как и в русском, здесь употреблена форма фреквентатива, связанная с малой интенсивностью действия)¹⁶; в) рус. *Как можете?* 'Как здоровье?' — фин. *Kuinka voit?* 'Как твое здоровье?' (букв. 'Как (ты) можешь?'); г) рус. *Как живете-можете?* — кар. *Куй эляттӧ-войтто?* 'Как поживаете?' (букв. 'Как живете-можете?').

6. В фольклорной стилистике (или поэтике). Прием смежных синонимичных повторов: рус. *Меня черт бросил, а водяной кинул с сильными богатырями биться-ратиться!* — фин. *Kumman miekka mielusampi, Kumman kalpa kaunihimpi* 'У которого меч лучше, У которого сабля краше'.

7. В лексике. Связанные с кругом основных понятий слова типа рус. *ковылять* (ср. фин. *kävellä* 'ходить, гулять'), *колеть* (о|колеть) (ср. вепс. *kolpen*, эст. диал. *koolen* 'умираю')¹⁷ и т. п. Несомненно, здесь возможны еще открытия, о чем косвенно свидетельствуют около 1000 слов финно-угорского происхождения (не считая венгерских) в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, а также множество финно-угорских топонимов на русской языковой территории.

Приведена только часть явлений, которые могут восходить к финно-угорскому субстрату.¹⁸ Однако уже тот факт, что предполагаемые следы его влияния отмечаются на всех уровнях языковой системы — фонетическом, грамматическом и лексико-фразеологическом, свидетельствует о важности и актуальности исследования финно-угорского субстрата для русского языкознания и славянского языкознания в целом.

¹⁴ Подробнее см.: Н. Safarewiczowa, *Oboczność я имею i у меня есть w języku rosyjskim dziś i dawniej*, Wrocław—Warszawa—Kraków 1964.

¹⁵ Подробнее см.: О. Б. Ткаченко, *Одна общая семантико-фразеологическая изоглосса финно-угорских и русского языков*. (К вопросу финно-угорского субстрата в русском языке). — СФУ XII 1976, стр. 245—253.

¹⁶ Характерно также, что карельский и венгерский глаголы (*elmetellä, éldegélni*) имеют значение 'жить беззаботно, спокойно, в тихом уединении' (см. *Karjalan kielen sanakirja I*, Helsinki 1968 (LSFU XVI, 1), стр. 105; *Magyar értelmező kéziszótár*, Budapest 1975, стр. 271), что близко по смыслу к рус. *поживать*.

¹⁷ См.: М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка II*, Москва 1967, стр. 274, 290, где финно-угорские сближения считаются неубедительными, хотя предложенные славянские параллели вряд ли надежнее (сам М. Фасмер первое слово характеризует как темное).

¹⁸ В. Феенкер (W. Veepker, указ. раб.) указывает свыше 22 особенностей русского языка, с разной степенью вероятности связываемых с финно-угорским субстратом.

3. О методах исследования

Большая или меньшая адаптация финно-угорских субстратных элементов в русском языке славянской языковой системой затрудняет выделение даже материальных включений, а тем более — возможных семантических заимствований (лексико-фразеологических и грамматических). Это предъявляет исследователю высокие и сложные требования, относящиеся, видимо, к субстратным разысканиям вообще:

1. Большое значение имеет семантика, которую необходимо исследовать в тесной связи с грамматической формой рассматриваемых слов и конструкций.

2. При исследовании субстратных синтаксических конструкций представляют интерес устойчивые обороты речи (языковые формулы). Здесь возможна длительная преемственность, не прерываемая даже сменой языка.

3. Чтобы достичь наибольшей точности при определении и хронологии каждого субстратного явления, нужно рассматривать его как в связи с языком, где оно обнаружено, и всеми родственными с ним языками, так и с его субстратом и всеми родственными ему языками. Это предопределяет сопоставление соответствующих данных двух сравнительно-исторических грамматик, в данном случае — славянской и финно-угорской.

4. Чтобы исключить из круга рассматриваемых явлений не связанные с субстратом, следует проверить факты всех языков данного ареала.

5. Достоверность субстратных исследований обеспечивается не только строгостью и точностью лингвистических фактов и выводов, но и возможно широким привлечением вспомогательных внелингвистических данных.

6. В настоящее время, когда имеется еще слишком мало бесспорных субстратных фактов, ведущая роль в их исследовании должна принадлежать микролингвистическому методу. Последнее особенно справедливо в отношении апеллятивов, выделяемых хуже и в меньшем количестве, чем субстратные топонимы; впрочем, последние тоже нуждаются в микролингвистическом подходе при окончательном уточнении.

Исключительная сложность и многообразие работы при реконструкции праформы реликтных слов и выражений требует особой тщательности и внимания к каждому рассматриваемому явлению, которое во избежание атомарности и неполноты освещения должно изучаться (каждое отдельно) на фоне всех языковых систем и языков, с которыми оно связано. Ввиду этого преобладающий до сих пор в языкознании макролингвистический подход, когда в большой работе исследуется несколько лингвистических явлений, здесь представляется малоперспективным. На первый план выдвигаются микролингвистические работы, где все внимание сосредотачивается на одном лингвистическом факте. Микролингвистический метод¹⁹ позволяет рассматривать каждое из языковых явлений не вскользь, не издали, а крупным планом, как бы под микроскопом, во всестороннем освещении. В сочетании с макролингвистическими исследованиями, особенно важными на стадии собирания и первичной обработки материала, он поможет наиболее полно обнаружить и изучить многообразные и сложные лингвистические явления, связанные с финно-угорскими субстратами русского языка.

¹⁹ Тяготение к этому методу и в других субстратных исследованиях отмечает В. Н. Топоров, рассматривающий прусские субстратные лексемы «только как предварительный материал, нуждающийся в более детальном (каждый раз монографическом) исследовании» (В. Н. Т о п о р о в, Прусский язык. Словарь. А—D, Москва 1975, стр. 8).

ZUR ERFORSCHUNG DES FINNISCH-UGRISCHEN SUBSTRATS
IM RUSSISCHEN

Im Artikel werden folgende Fragen anhand der gegenwärtigen Literaturquellen und der Untersuchungen des Verfassers erörtert: 1) Die sprachliche Heterogenität des finnisch-ugrischen Substrats im Russischen und die Bedeutung seiner Erforschung für die Finno-ugristik, wobei die sprachliche Eigenart des Merjanischen hervorgehoben wird, das sich als eine besondere Sprachgruppe des Finnisch-ugrischen erkennen läßt. 2) Die Bedeutung der Erforschung des finnisch-ugrischen Substrats im Russischen für die russische und slawische Sprachwissenschaft, wobei die wesentliche Rolle des finnisch-ugrischen Substrats in der Geschichte des Russischen angedeutet wird, die sich auf allen Ebenen der Sprachstruktur vermuten läßt. 3) Besonderheiten und Methoden der Substratforschung, wobei unter anderem die leitende Rolle der mikrolinguistischen Methode bei der Substratforschung begründet wird.